

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

ТУВИНЦЫ МОНГОЛИИ И КИТАЯ : Межэтнические отношения

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2011-01-28 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: М.В., Монгуш メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00001057

нивелировка этноспецифических черт и замена некоторых традиционных элементов культуры общерегиональными эквивалентами, в частности, монгольскими. В ориентациях тувинцев Монголии и Китая традиционные формы национальной культуры являются второстепенными, так как отсутствуют культурно-просветительские учреждения и средства массовой информации, призванные удовлетворять национальные потребности тувинцев. Вместе с тем преобладают этноспецифические черты в сфере семейной обрядности, которая отличается достаточно большой консервативностью, тогда как в календарной обрядности они проявляются в меньшей степени.

5. Межэтнические отношения

Одной из важных характеристик этнического образования любого уровня является способность этнофоров и всей этносоциальной системы в целом к внешнему контакту. Именно установки на межнациональное общение позволяют получить достаточно полную информацию о степени влияния межэтнических отношений на этнические процессы.

Феномен межэтнических взаимодействий представляет собой сложное и многогранное социальное явление. В российской этнографии и этносоциологии сложились по крайней мере три подхода к исследованию проблемы межэтнических контактов. В одном случае (что характерно для работ, выполненных в традициях классической этнографии) изучаются, как правило, результаты взаимовлияний в области материальной и духовной культуры, различные виды взаимодействий (в частности, межнациональная брачность) на уровне этносов или крупных этнических подразделений. В другом случае межэтнические взаимодействия, рассматриваемые на личностном уровне, трактуются как процесс восприятия, усвоения и передачи внутри-и иноэтнической информации. В рамках такого подхода затрагивается ряд сторон этнопсихологической реализации межнационального общения, выражаемой совокупностью установок, оценок, ориентаций, связанных с отношением к различным национальностям и их культурам. Понятие «межнациональное общение» выступает как производное от более общей категории «межличностное общение», разрабатываемой в рамках социальной психологии. И, наконец, третий аспект изучения проблемы межэтнических контактов составляет анализ результатов личностного межнационального общения в малых социальных группах как массового процесса, степень влияния этих групп на этнокультурные, языковые и иные характеристики партнеров по общению. Термины «межэтнические контакты», «межнациональное общение», «личностное межнациональное общение» рассматриваются в

данной работе как синонимы.

Целью настоящего раздела является попытка рассмотреть проблему межэтнических контактов у монгольских и китайских тувинцев, следуя установившимся в этнографической науке подходам.

Изучение межнациональных установок этнофоров для нашего случая имеет очень важное значение, поскольку подход к межэтническому взаимодействию как процессу восприятия и усвоения иноэтнической информации позволяет с большей долей объективности судить о ходе и направлении современного этнического развития исследуемых групп тувинского населения. В связи с этим наша задача состоит в том, чтобы выявить направленность (интра- или экстраэтническую) межличностного общения в системе таких социально значимых отношений, как семейные, трудовые и соседско-дружеские. Мы понимаем, что социальные связи индивида не ограничиваются лишь вышеуказанными сферами жизнедеятельности человека, но фокусируемся на них как на наиболее важных факторах формирования установок в межличностном общении субъектов, входящих в изучаемую нами этническую общность.

Для решения поставленной задачи, мы в первую очередь попытались выяснить у наших информантов, есть ли в их семьях или в семьях их родственников люди других национальностей; как часто они вступают в брак с лицами нетувинской национальности; проводят ли семейные торжества или национальные праздники с участием представителей других этносов; с людьми какой национальности предпочитают дружить, работать и т.д.

Известно, что межличностные установки индивида формируются только в сообществе себе подобных, поэтому для характеристики национальных установок следует пользоваться понятием национально-смешанных микрогрупп, так как изучаемое нами сообщество является членом таких групп в семейной, производственной или соседско-дружеской сферах, что объясняется достаточно высоким уровнем этнической смешанности в большинстве населенных пунктов, где проживают зарубежные тувинцы.

Основными этническими партнерами тувинцев в Монголии и Китае на протяжении нескольких веков и по сей день являются монголы и казахи; по сравнению с ними представители других этносов из-за малочисленности и разобщенности гораздо в меньшей степени взаимодействуют с тувинцами. Из всех соседних народов монголы доминируют в качестве брачного партнера тувинцев, хотя в целом их число в тувинских семьях не столь значительно. Причина тому в интраэтнических установках тувинцев в вопросах семьи и брака.

Тем не менее уровень межнационального общения тувинцев в повседневной жизни остается весьма высоким. Чтобы полно охарактеризовать его, мы решили сначала выяснить параметры личностных установок на межнациональное общение и таким образом раскрыть механизм межэтнического взаимодействия тувинского, монгольского и казахского населения в направлении «тувинцы – нетувинцы». Полученные нами данные показали следующее.

Оказалось, что большинство информантов не очень одобрительно относятся к бракам с людьми другой национальности, считая это препятствием для сохранения этнической целостности тувинской общины. Подобные установки в большей степени характерны для тувинцев, проживающих компактно и не испытывающих трудности в выборе брачного партнера, и в меньшей степени - для тех, кто живет разрозненно, не представляя собой этнической целостности. В то же время те, с кем мы так или иначе обсуждали проблему межэтнических контактов, признали, что национальный состав коллектива для них не имеет никакого значения, более того, они даже убеждены, что многонациональный состав в целом положительно влияет на производственные отношения. Также для наших информантов практически никакой роли не играет национальность друга или соседа, главное, чтобы «человек был хорошим».

Сами тувинцы весьма высоко оценивают свою способность входить в контакт с представителями других национальностей; они считают, не без оснований, что свободное владение языками соседних народов позволяет им без труда находить общий язык с любым из них. В подобном подходе проявляется толерантность тувинцев, принимающих других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1998:207; Дробижева 1997:52-53).

Во время некоторых обрядов, в частности обряда *оваа дагылгазы*, как у монгольских, так и у китайских тувинцев в качестве почетных гостей принято приглашать представителей других этнических групп, но при этом они обязательно должны исповедовать ту же веру, что и тувинцы, т.е. быть буддистами. Следовательно, из ближайших соседей на обряде могут присутствовать только монголы, а казахи, будучи мусульманами, остаются в стороне (Монгуш 1997:51). Кстати, у казахов также существуют некоторые обряды религиозного характера, в которых не имеют права участвовать иноверцы. Подобные нюансы, однако, никогда не становятся поводом для возникновения конфликтных ситуаций, а напротив, способствуют взаимной толерантности.

Наши попытки выяснить у информантов, какие национальности, по их мнению, близки тувинцам и по какому признаку, показали, что

подавляющее большинство считают близкими по языку казахов, а по культуре и быту монголов. При этом культурно-бытовому сходству с монголами тувинцы придают большее значение, что, по всей вероятности, объясняется высоким уровнем проникновения в их хозяйственно-бытовую культуру элементов монгольской культуры и быта.

Особо следует сказать об отношении тувинцев к китайцам. Поскольку последние практически не живут в той части страны, где сосредоточены тувинцы (из-за ее отдаленности, труднодоступности и отсутствия развитой инфраструктуры), общение с китайцами по большей части носит случайный, эпизодический характер. Тувинцы, безусловно, отдают китайцам должное как титульной нации, но в то же время признают, что с ними у них мало общего в культуре, языке и даже в психологии.

В целом же межнациональное общение для тувинцев является скорее правилом, нежели исключением, причем оно наиболее активно в производственной и соседско-дружеской сферах межличностного общения. Немаловажное значение в формировании установок на межнациональное общение имеют обучение в том или ином учебном заведении, служба в армии, участие в миграциях (как в случае с цэнгэльскими тувинцами), что и объясняет большую предрасположенность к межнациональному общению этнофоров.

Одной из наиболее значимых структур в системе воспроизводства и передачи этнической информации ее носителями, несмотря на все возрастающее воздействие таких факторов, как образование, средства массовой коммуникации, участие в общественном производстве, является семья. Именно семья, как считают исследователи, определяет формирование социальных и этнических характеристик индивида, его место в системе личностных и общественных связей.

Важнейшим показателем отражения этнических процессов в сфере семейных отношений являются межэтнические браки. Значение их состоит в том, что они способны определять характер и направленность этнических процессов, и, в свою очередь, развиваться под их воздействием. Поэтому для нас изучение межнациональных брачных взаимодействий интересно как раз с точки зрения их влияния на ход этнического развития монгольских и китайских тувинцев. При рассмотрении данной проблемы необходимо в качестве основы взять так называемую информационную концепцию этноса, которая исходит из попытки объяснить стремление человека (в том числе и при вступлении в брак) идентифицировать себя с устойчивой культурной общностью, называемой «этнос» (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1998:216).

Основная функция этноса в современном мире состоит в

«информационной защите» членов этноса от нестабильности и неопределенности жизни; такая информационная защита нужна «среднему» человеку вследствие ограниченности информационных возможностей каждого индивидуума. Свою функцию этнос выполняет путем поддержания культурной традиции, т.е. путем воспроизводства в новых поколениях тех ценностей, символов, правил поведения, которые он выработал за многие столетия адаптации к природной и социальной среде. Из этой посылки вытекает и неизбежность существования этноса как группы – носителя традиции.

Этническая культура и самосознание воспроизводятся не только на уровне этноса в целом или отдельных составляющих его индивидов и семей, но главным образом на уровне достаточно многочисленных и, самое главное, устойчивых во времени групп внутри этноса. Система этих групп образует внутреннюю структуру этноса, которую ученые называют «мезоструктурой», в отличие от микроструктуры как совокупности индивидов и отдельных семей. К элементам мезоструктуры относятся родственные группы, устойчивые территориальные общности, некоторые профессиональные категории, например, потомственные чабаны, служители культа и т.д. В них на уровне межличностного общения формируются и передаются наиболее устойчивые нормы поведения, социально-психологические особенности народа, воспитывается этническое самосознание.

Именно круги общения, формирующие мезоструктуру этноса, определяют правила подбора брачного партнера. В этносах со сплоченной мезоструктурой, к которым, по нашему мнению, относятся тувинцы Монголии и Китая, выход за пределы predeterminedных ею брачных кругов, в том числе вступление в межнациональные браки, происходит относительно редко и, как подсчитали этносоциологи, в среднем не превышает 5-10% всех заключаемых браков, даже если этнос, как в нашем случае, проживает в этнически смешанном регионе. Эту функцию круги общения выполняют, во-первых, за счет поддержания механизма «внешнего», т.е. социального, контроля за подбором брачного партнера; во-вторых, через «внутренние», т.е. психологические, механизмы формирования культурной идентичности и этнического самосознания.

Применительно к цэнгэльским тувинцам Э. Таубе замечает, что, хотя они и живут в непосредственном контакте с казахским населением, браки между тувинцами и казахами заключаются крайне редко; хватило бы пальцев одной руки, чтобы сосчитать их. «В Цэнгэле живет несколько монголов, — пишет она, — приехавших сюда вслед за женами или мужьями, поэтому здесь практически нет условий для смешанных браков

этих двух этносов. Иное дело, когда молодые тувинцы отправляются получать образование в другие районы страны, часто они там и остаются. Но и там браки между тувинцами и монголами встречаются пока очень редко» (1994:9).

К выводам немецкой исследовательницы наши информанты добавили весьма существенную деталь, а именно, принадлежность казахов к другой конфессии является серьезным сдерживающим фактором для вступления с ними в брак; в этом отношении браки с монголами более предпочтительны, хотя в целом они тоже не поощряются.

Схожая картина наблюдается и среди тувинцев Китая. В местах тесного соседства и хозяйственно-бытовых контактов тувинцев с казахами, монголами и людьми других национальностей, межнациональные браки имеют место, но в общем числе браков их процент весьма незначителен. В районах компактного расселения тувинцев с моноэтническим составом смешанные браки почти не встречаются.

Склонность тувинцев к однонациональным бракам, как нам объяснили, продиктована не столько их желанием сохранить «чистоту крови», сколько боязнью появления нового члена семьи, принадлежащего к другой национальности, и в силу этого способного нарушить привычный уклад семейной жизни, существующие нормы взаимоотношений и этикета между поколениями и полами, традиции социального поведения и роль каждого члена семьи (Монгуш 1997:45). Подобные ориентации в некоторых случаях ведут к кровосмешению, что, по сути, вызывает деградацию этноса. Наиболее серьезно это проблема стоит перед тувинцами Баян-Улэгэйского аймака Монголии, где за последние годы значительно возросло число детей, рожденных от родителей, состоящих в близком родстве. Как и следует ожидать в таких случаях, дети сильно отстают в умственном развитии, имеют физические дефекты и не приспособлены к полноценной жизни. Наши информанты с горечью сравнивают: если в 1970-80-х годах тувинские школьники часто заканчивали школу с золотой или серебряной медалью, а затем успешно поступали в престижные ВУЗы страны, то начиная с 1990-х годов показатели их успеваемости стали неуклонно падать – на смену здоровым детям пришли дети, рожденные в кровно-родственных браках.

Сложившаяся ситуация вызывает полное недоумение, так как отношение тувинцев к подобным бракам во все времена было однозначно отрицательным; они к ним относились с крайним осуждением (Кон 1934:33); считали, что мужчинам нельзя жениться не только внутри своего рода, но и сумона (Потапов 1969:229); неприличным было брать в жены даже дальнюю родственницу, ибо такой союз дает нездоровое

потомство, что собственно мы и видим в Баян-Улэгэе. Наш американский коллега А.Веллер, долгое время живший и работавший среди тувинцев Хубсугула, во время частной беседы заметил, что подобное явление, хотя и изредка, но имеет место и там. Такие браки иногда случаются и среди монголов.

Традиционно в тувинском обществе господствует моногамный брак, который регулируется экзогамными запретами, распространяющимися на родственников по отцовской линии до определенного поколения. В круг лиц, на которых распространяются эти запреты, входят все члены кровнородственной группы, имеющие происхождение от одного общего предка – родоначальника. Речь в данном случае идет о роде, основанном на фактическом кровном родстве, а не об официальном роде, представляющем собой административную и фискальную единицу. Экзогамия отцовского рода соблюдается довольно строго; брак внутри него расценивается как недопустимое и позорное нарушение обычая. Пожилые информанты утверждают, что обычно после седьмого поколения от общего предка род у них разрастается настолько, что на его основе образуются два самостоятельных экзогамных рода, которые уже могут обмениваться невестами.

Следует заметить, что запреты инцеста – браков и половых связей между близкими кровными родственниками имеют универсальный характер, они существуют по всему миру (Артемова 1999:37-41). К.Леви-Строс видел в запрещении инцестуальных связей проявление всеобщего закона избегания кровосмешения, а экзогамию определял как позитивное правило обмена между человеческими группами. Поэтому трудно отрицать, что экзогамия кровнородственных объединений в традиционных обществах имеет базовую ценность, так как позволяет устанавливать широкие социальные связи, которые несут выгоды экономического и политического характера (Тишков 2003:73).

С баян-улэгэйскими тувинцами дело обстоит сложнее. У них в кровно-родственные браки вступают не по ошибке, как мы полагали, а вполне сознательно, что является не просто отступлением от брачных норм, но и нарушением их «по собственному желанию». Подобное поведение не поддается объяснению с точки зрения логики, однако наши информанты мотивируют его тем, что у них в мужья и жены принято брать только «своих». Их положением серьезно заинтересовались исследователи-генетики из Тувинского государственного университета и врачи-генетики из Министерства здравоохранения Тувы. Какими будут результаты их исследований - покажет время. Сами же монгольские тувинцы не в состоянии осуществить подобный проект из-за отсутствия

высококвалифицированных кадров в этой области.

Отдельно следует сказать о межнациональных браках, которые, хотя и не широко распространены, но все же случаются. Одним из основных факторов роста межэтнической брачности многие исследователи считают ослабление влияния традиционных родственных и соседских связей. Так, О.А. Ганцкая и Л.Н. Терентьева подчеркивают влияние соседских кругов внутриэтнического общения на выбор женихов и невест по национальности (1965:15-16). Г.П. Васильева, анализируя материалы по национально-смешанной брачности в Средней Азии, отмечала, что в смешанные браки довольно часто вступают люди, у которых нет большой сплоченной родни (1968).

По отношению к зарубежным тувинцам подобные положения, как нам кажется, не очень уместны; здесь больше подходит тезис о том, что даже в самых сплоченных этносах часть женихов и невест вступают в национально-смешанные браки. Обычно это люди, занимающие маргинальные позиции в собственном этносе, или, как их называют исследователи, «этнические маргиналы». Само это понятие не включает в себе никакой негативной семантики.

Под этническим маргиналом понимается человек, отклоняющийся от стандартов социального поведения, принятых в его этносе. Например, если этнос находится на ранних стадиях урбанизации, то маргиналом может оказаться человек, сделавший хорошую карьеру в инациональном городе, поскольку для «своих» он становится в значительной степени чужаком. В этом случае вступление в межнациональный брак есть не только результат индивидуального выбора, но и следствие «выпадения» отдельных семей или индивидов из системы внутриэтнического социального контроля (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1998:218).

Среди монгольских и китайских тувинцев этнических маргиналов не очень много. Ими, в частности, становятся монгольские студенты тувинского происхождения, приезжающие получать образование в Туву, где какая-то их часть оседает, вступив в брак с российскими гражданами.

Интересные результаты были получены нами при анализе брачных миграций тувинцев. Оказалось, что, несмотря на ряд условий, например, проживание в этноконтактной зоне (тувинцы Монгольского и Китайского Алтая), численность, дисперсное расселение, весьма благоприятствующих распространению брачных миграций среди представителей различных этнолокальных групп, между ними отсутствуют какие бы то ни было брачные связи, т.е. границы их брачных универсумов не пересекаются. Предположительное воздействие фактора административного деления (существование административных границ аймаков) оказывается

несущественным, поскольку он в принципе не оказывает существенного влияния на интенсивность брачных связей как таковых.

По признанию информантов, брачных партнеров у них в большинстве случаев находят, не выходя за пределы своей этнолокальной группы. Контакты между различными группами тувинского населения неравномерны и не столь интенсивны. Изредка общаются между собой тувинцы Баян-Улэгэйского и Кобдоского аймаков, однако и те и другие практически не поддерживают никаких отношений с тувинцами Хубсугульского аймака. Случайный, эпизодический характер носят связи между тувинцами Монгольского и Китайского Алтая. Но все эти контакты не настолько сильны и регулярны, чтобы создать почву для брачных миграций.

Остается еще один вопрос – об этнической принадлежности брачных партнеров зарубежных тувинцев. Их основными этническими партнерами, как отмечалось ранее, являются монголы и казахи, тогда как удельный вес представителей других этнических групп — дархатов, дербетов, захчинов, алтайцев, уйгуров – на порядок ниже. Из них монголы чаще остальных становятся брачными партнерами тувинцев.

Мончаки не мыслят жизни без коней.

Удивлены приезду гости из Тувы?

Мончакские женщины возле своей юрты.

Веселая детвора. Ак-Хаба.

Оргуз Максyr, исполнитель эпических произведений, и М.В.Монгуш. Ак-Хаба.

Группа тувинских учащихся в Ак-Хаба.

На уроке в школе в Ак-Хабa.

Преподаватели начальной школы в Ак-Хабa.

Информант Отмант Седен – мать большого семейства.

Информант Конгуштай Каскайб.

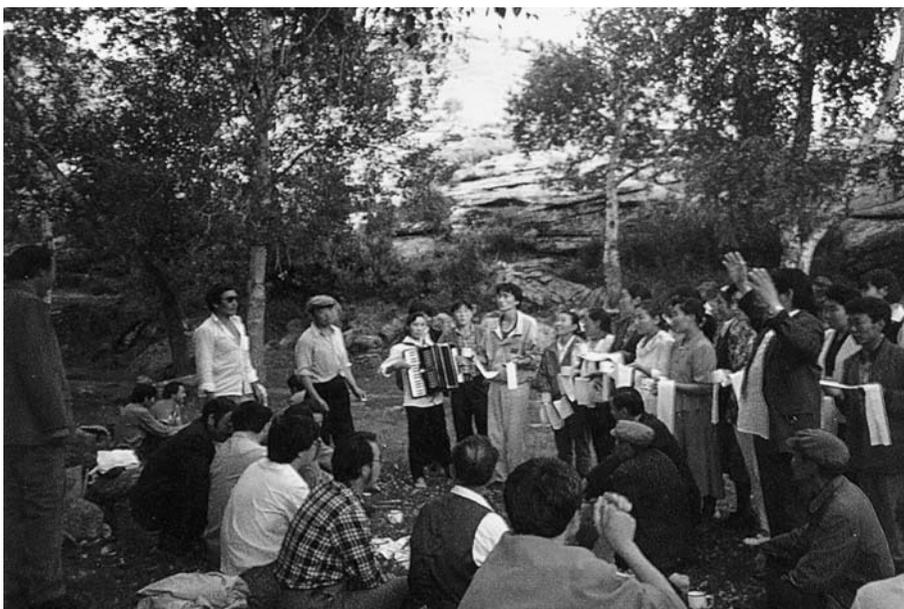
Артисты Баян-Улэгэйского культурного центра на гастролях в Туве, 2001 г.

Традиционные музыкальные инструменты монгольских тувинцев (слева направо): чанзы, игил, допшунуур.

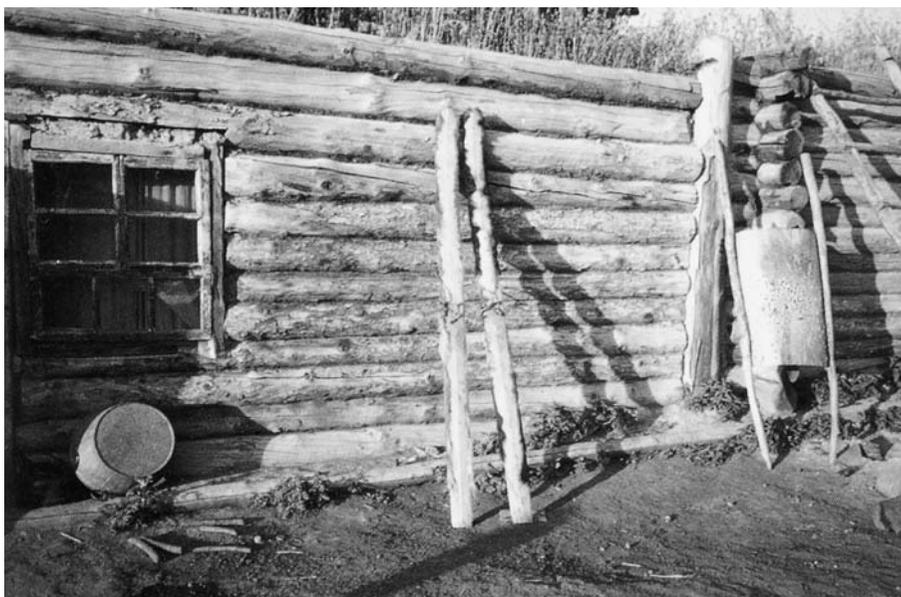
Танцы на природе. Уезд Бурчин.

Коллективное пение на природе. Ханас.

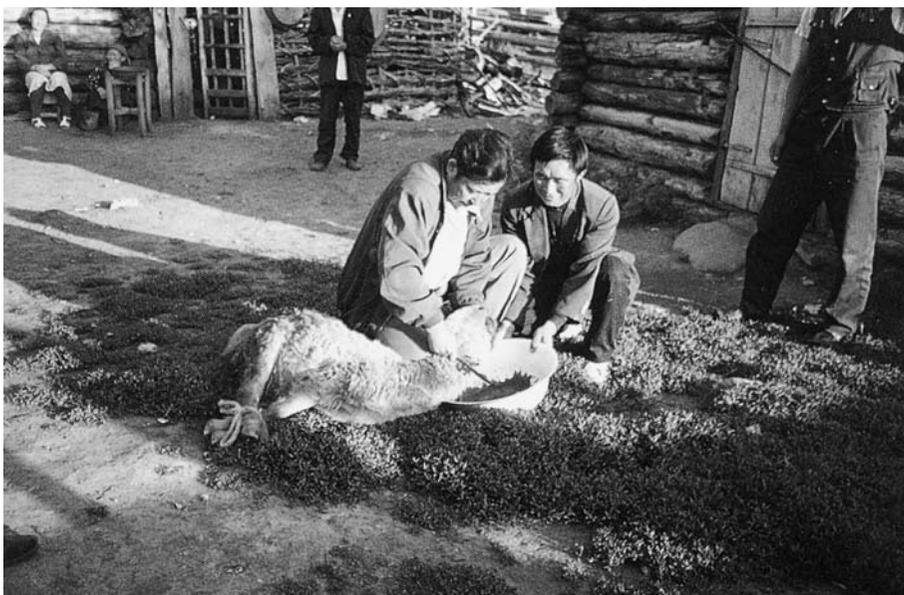
Интерьер мончакского дома.

Традиционные лыжи домашнего изготовления.

Жертвоприношение у оваа. Уезд Бурчин.

Так китайские тувинцы режут барана.

Интерьер мончакской кухни.

Стол, накрытый для совместной трапезы.

Так китайские тувинцы гонят молочную водку.

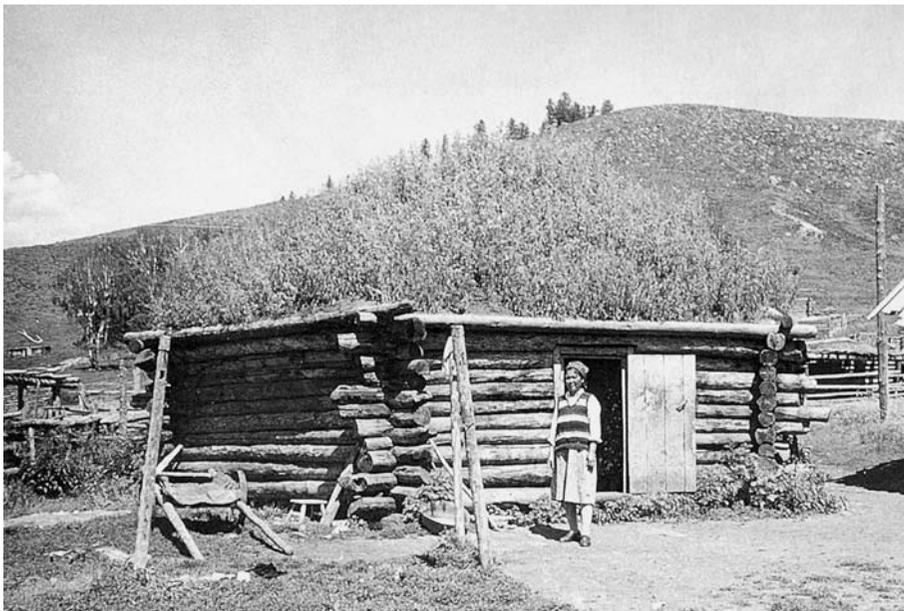
Домашняя утварь мончаков.

Ханас. Типичный сельский пейзаж.

Дома и юрты для приема высоких гостей в Коме.

Мончакская женщина возле хозяйственной пристойки.

Информант Солонго Шингил демонстрирует сани собственного изготовления.

Навес для сушки молочных продуктов и шкур животных.

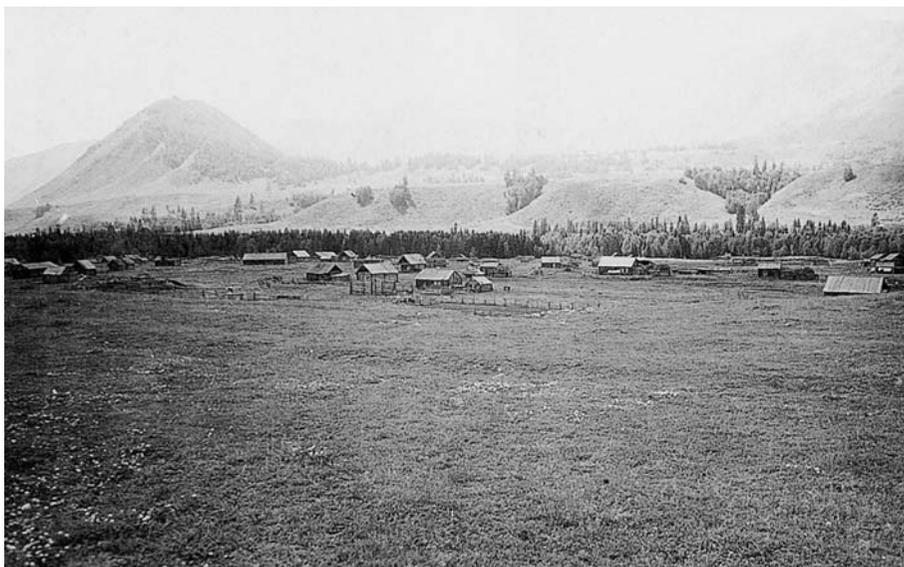
Так китайские тувинцы принимают почетных гостей.

Китайские тувинцы.

Мончакский ребенок.

Ханас. Общий вид.

Улица Ханаса.

Юрты монгольских тувинцев

Оваа цэнгэльскийких тувинцев

Жертвоприношение возле оваа. Цэнгэл, 2009 г.

Монгольские тувинки, 2010 г.

Ритуал чаепития у монгольских тувинцев.

Тувинская семья в Цэнгэле, 2009 г.

В цэнгэльской школе, 2009 г.

Священное дерево монгольских тувинцев.

На летней стоянке в Монголии, 2009 г.

Тувинский мальчик со своим любимцем.

Интерьер тувинского дома в Монголии.

Музыкальное представление в цэнгэльской школе, 2009 г.